

ОБРАЗ ЗИМНЕЙ НОЧИ В СЕВЕРНОМ ТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

А. В. Давыдова

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 31 октября 2023 г.

Аннотация: статья является частным этапом изучения Северного текста русской литературы для детей как субтекста Северного текста. Работа посвящена анализу образа зимней ночи в произведениях для детей писателей XX века: К. Бадигина, М. Барышева, З. Давыдова, Н. Жернакова, Н. Лебедева, А. Мошковского, Л. Платова, С. Радзиевской, М. Скороходова, А. Членова.

Ключевые слова: Северный текст русской литературы для детей, образ зимней ночи, художественная картина мира.

Abstract: the article is a private stage in the study of the Northern Text of Russian literature for children as a subtext of the Northern Text. The work is devoted to the analysis of the image of winter night in works for children of writers of the 20th century: K. Badigin, M. Baryshev, Z. Davydov, N. Zhernakov, N. Lebedev, A. Moshkovsky, L. Platov, S. Radzievskaya, M. Skorokhodov, A. Chlenov.

Keywords: Northern text of Russian literature for children, image of winter night, artistic picture of the world.

В последние годы активно формируется теория Северного текста русской литературы (Е. Ш. Галимова «Специфика Северного текста русской литературы как локального сверхтекста» [1], А. Г. Лошаков «Сверхтекст и Северный текст русской литературы» [2], В. Н. Матонин «Образы “движения” и “цели” в Северном тексте русской культуры» [3], А. В. Петров «Топонимы как выразительное средство в Северном тексте» [4], А. А. Митрофанова «Интертекст Северного текста» [5] и др.)

На наш взгляд, наиболее емкое определение Северного текста дается в трудах Е. Ш. Галимовой, которая понимает его как «создававшийся на протяжении длительного времени (вопрос о времени начала его формирования остается открытым и активно исследуется в настоящее время) в творчестве многих русских писателей особый северорусский вариант национальной картины мира, точнее мифопоэтический образ северорусского мира, наделенный рядом с индивидуальными, отражающими своеобразие мировидения каждого из авторов, также и общими, типологическими чертами» [6, 21].

Исследовательница полагает, что Северный текст имеет сложную структуру и состоит из субтекстов, которые следует выделять по локальному принципу. Мы считаем, что подобное разделение может проводиться и на другом основании, и предлагаем рядом с субтекстом для взрослых читателей выделять субтекст, ориентированный на читателя до 18 лет, читателя-ребенка. Он будет обладать всеми формально-содержательными характеристиками «материнского» текста, а также иметь ряд специфиче-

ских особенностей. Художественная картина мира, складывающаяся в произведениях Северного текста русской литературы для детей, требует тщательного изучения и состоит из целого ряда взаимосвязанных образных и мотивных элементов, формирующих в итоге самобытный образ Русского Севера. Одним из таких частных элементов является образ зимней ночи, рассмотрению которого посвящена данная работа.

Задачами предпринятого исследования являются рассмотрение образно-смысловых характеристик, которые получает образ зимней ночи в произведениях разных авторов, выявление его смысловых взаимосвязей с другими элементами северорусского мира, определение его места в художественной картине мира Северного текста русской литературы для детей.

Полярная ночь — специфическая природная примета Севера, чем ближе к Северному полюсу, тем она длиннее и суровее. Неудивительно, что ее образ занимает особое место в художественной картине мира Северного текста русской литературы. Значим он и для субтекста Северного текста, ориентированного на детское чтение.

В традиционном сознании образы дня и ночи противопоставлены, что отражено и в художественной картине мира Северного текста. В ней возникает специфический смысловой вариант традиционной оппозиции: антитеза полярной зимней ночи и белой ночи. Кроме того, образы дня и ночи тесно связаны с категориями календарного времени. Так, образ темной ночи писатели чаще всего воспроизводят в контексте образа зимы, так как именно холодное время года на Севере — это еще и время темноты.

Образ зимней ночи в Северном тексте русской литературы для детей устойчиво сочетается с образами звезд и северного сияния.

Звезды в различных мифологических системах связаны с астральными мифами. «В типологически ранней группе астральных мифов звезды или созвездия часто представляются в виде животных, нередко в таких мифах речь идет об охоте на животных» [7, 116]. Отражения этих древних представлений находим и в образной структуре Северного текста русской литературы для детей. Так, в сборнике М. Барышева «Маленькие поморы» автор при описании звезд, которые видят на ночном небе в тундре мальчик и его олень, использует яркое зооморфное сравнение: «Наступил вечер. На низком небе одна за другой вспыхивали звезды, зеленые, как глаза рыси. Из-за гор показался месяц. Синие длинные тени упали на снег. Они плелись рядом с Витей и оленем, не обгоняя их и не отставая» [8, 53].

Для жителей Севера звездное небо часто становится картой, по которой они ориентируются в пути. По звездному свету учит ориентироваться маленького Ванюшку, который только постигает мастерство охотника, Степан в повести С. Радзиевской «Остров мужества»; Витя в рассказе М. Барышева «Олешек» в зимней ночной тундре отыскивает на небе Полярную звезду. В последнем примере создается ощущение, что ночью вселенная сверху смотрит на землю и ее обитателей. Универсальный характер образа ночной тундры и шире — Севера дополняется в этом эпизоде и мотивами единства мира и пути: «Витя отыскал на небе Полярную звезду. В безлюдной тундре она была такая же, как и на фабрике, где в бревенчатом домике возилась мать, в печке трещали дрова и можно было спать, спать, спать...» [8, 53]. Небо, единое для человека и природы, словно примирает эти миры.

Мотив единства мира актуализируется в Северном тексте русской литературы для детей и с помощью мотива отражения звездного света снегом. Яркий пример находим в повести С. Радзиевской «Остров мужества»: «Тут случилось удивительное, что только в этих местах бывает: рев бури оторвался, словно его и не было. Ветер улетел в другие места и утащил за собой тучи, покрывшие небо. Полная луна засияла так ярко, что звезды около нее потускнели, а снег засветился синими огоньками» [9]. Или: «Белый снег от сияния звезд мутно отсвечивал. На нем чернели отдельные камни и скалы: на крутых боках снег не держался. Небо то ли черное, то ли синее — не разобрать, но чистое, все звездами усыпано» [9]. Мотив отражения подчеркивает единство неба и земли в художественном мире повести. Именно на затерянном в северном море острове героям дано почувствовать эту суровую гармонию.

Мотив единства в связи с образом звезд может быть прочитан и в более широком контексте: как

единство мира и человека; тогда значимой становится нравственная оценка поступков последнего. Так, особой нравственной категорией при решении конфликта человека и природы для М. Скороходова — автора повести «Дымок» — становится категория пользы. Охотник Шумов трудится не для себя, а для других и оставляет жизнь голубому песцу Дымку не ради себя или его самого, а для сохранения баланса в жизни тундры (массовая гибель песцов по разным причинам) и пользы другим людям. Символично, что над размышляющим о человеческом нравственном и профессиональном долге героем в повести — «россыпи звезд», которые, «разгораясь, обступают остров со всех сторон» [10, 53]. И в финальном внутреннем монологе Шумова возникает образ звезд, когда он про себя дает наставления юному другу Гришутке Бокову: «Гордись, мол, парень, не беда, что дело не великое, не всем с неба звезды хватать. Как говорится, чем богаты... Если бы все делали свои дела по совести, вся наша земля была в сиянии» [10, 53]. Герой перефразирует категорический императив Канта, выраженный в знаменитой образной формуле: «Звездное небо надо мной и моральный закон во мне».

Символично, что это откровение приходит к герою, уединившемуся на необитаемом полярном острове под высокими северными звездами, когда, кажется, ничто не может помешать человеку понастоящему почувствовать себя частью бесконечной и вечной вселенной.

Как нравственный рубеж переживает зимнюю ночь главный герой повести Н. Жернакова «Поморские ветры» после встречи со следователем Максимовым: «Сегодня и в самом деле полное небо набилось звезд. Снег не соврет. Их словно бы не бывало столько никогда» [11, 100]. Герой, чуть не погибнув от холода и болезни под звездным небом, после покаяния перед Максимовым словно проходит через своеобразный обряд инициации, символически умирает в одном качестве и возрождается в другом. Образ ночного звездного неба так же отражает идею нравственного императива. У Н. Жернакова истина, которую он воплощает, связана с концептом народной правды: только покайся перед людьми, открыв душу добру и участию, перестав думать только о себе, ощутив ответственность за себя и отца, Алексей разрывает замкнутый круг отчаяния, достигает желанного берега.

Слияние со звездами Севера становится моментом истины для повествователя у А. Мошковского. В финале рассказа «Ученик пастуха» возникают два взаимосвязанных мотива подмены и творчества. По возвращении домой тундру для героя заменяет Москва; чумы — многоэтажные дома, олени упряжки — городской транспорт, студеную воду из озер — «хлорированная из крана» [12]. В городе тундра превращается для героя в материал для творчества:

«И когда в минуты усталости сдвигаются вокруг меня стены комнаты, а перо пишет не то, что нужно, не то и не так, мне хочется сломать стены жилища, вырваться на просторы тундры, вобрать в себя блеск ее озер и свист ветра и заслужить, чтобы пастухи... приняли меня к себе в ученики» [12]. Рассказчик — художник, именно в тундре, в воспоминаниях о ней, герой черпает вдохновение, постигает истину, без которой не может быть счастливого человека и большого писателя: «Я... поднял вверх голову и замер. Все небо от горизонта до горизонта было забито крупными звездами. Млечный Путь широкой полоской опоясывал небо, и до него можно было достать хореем. Полярная звезда так низко нагнулась надо мной, что я боялся, как бы ездовые быки ненароком не шибли ее своими рогами.

Вселенная, огромная и спокойная, во все глаза смотрела на нас — на две упряжки и трех человек. Я ехал и думал о том, как прост и прекрасен мир, в котором мы живем, как надо любить и ценить его и как ничтожен тот, кто не понимает этого» [13]. Эта лирико-философская зарисовка, описывающая ночную поездку рассказчика по тундре, образно воплощает его представления о нравственной норме, которой должен следовать человек в своих отношениях с миром. Арктика для героя Мошковского стала тем местом, где открылась для него истина, где он всерьез «начал быть».

Подобный сакральный характер образа Арктики свойственен для Северного текста детской литературы; она становится местом, где герой соприкасается со вселенским миром, открывает другого человека и самого себя, Крайний Север для писателей является проверкой физических и внутренних человеческих возможностей.

Отражением красоты внутренней выступает внешняя. Человек в Северном тексте русской литературы для детей благоговеет перед ночным звездным небом, и, как в древности, пытается услышать его таинственный зов. Так, например, в повести С. Радзиевской «Остров мужества» безжалостный мороз, который «ползет по стенам избушки» [9] белым инеем, чуть не убивает промышленников на оторвавшейся от припая льдине, приходит в мир прекрасно, с «шепотом звезд» [9]: «Звезды это шепчут. Знак дают. Стужа идет злая, теперь доведется дома больше посиживать, как бы вовсе не обморозиться» [9]. Особый внутренний зов Севера и свою связь с ним ощущает во время зимовки в заполярном Океанске в ожидании второй экспедиции главный герой повести Л. Платова «Архипелаг исчезающих островов»: «А тишина вокруг была удивительная... Все застыло, окоченело, замерзло. Человек здесь слышал самого себя: не только свой пульс, даже свое дыхание — на морозе оно шелестит, замерзая» [14]. Мороз рождает и заполярное чудо — северное сияние. Об этом, например, пишет К. Бадигин в своей повести «Путь

на Грумант», где кроме визуальных характеристик северное сияние и звезды получают и звуковые: «Трещат другой раз в сильный мороз сполохи, словно из ружей щелкает. Сам слышал. И матка, случается, дурит на пазорях...» [15]. В авторском комментарии писатель дает научное объяснение этому явлению («Шумы при сильных морозах, приписываемые полярному сиянию и звездам, скорее всего возникали от дыхания самих людей. Выдыхаемый с воздухом пар, замерзая, иногда в тишине явственно шуршит, потрескивает» [15]), отмечая его электромагнитную природу.

Зимняя ночь в Северном тексте русской литературы для детей устойчиво ассоциируется с полярным сиянием (в народе — сполохи, зарницы, пазори). В художественных произведениях его образ поэтизируется и становится едва ли не самой узнаваемой приметой «края земли».

Образ северного сияния устойчиво связан с мотивом света и образом особого холодного пламени/огня/пожара. Так, Н. Жернаков в «Поморских ветрах» сравнивает сполохи с огромной люстрой: «А северное сияние как играет! Колыхается и переливается разноцветно, как большая люстра из стекляшек. Огромная люстра! А то вдруг схватится все небо розоватым пламенем, рассыплется на стрелы, и они молнией ударят ввысь, заблещут около Полярной звезды. Наверное, холодное пламя у сияния. Недаром так морозно на земле» [11, 100]. Цветной пожар северного сияния описывает в романе «Беруны» З. Давыдов: «А в это время что-то зажглось за дальними перекатами, и сразу запылало небо, по которому стали развеваться огненные завесы — красные, синие, зеленые; они надвигались, отходили, закручиваясь, как прибывающая к берегу вода. Словно море загорелось в той стороне, где полгода назад поймала этих людей в ледяную сеть губовина, и дивным пожаром пылал там теперь необозримый океан, мечя вверх разноцветные сполохи» [16]. Цветным огнем поражает северное сияние героев в повести К. Бадигина «Путь на Грумант»: «В разных местах над горизонтом, точно нарисованные огненной кистью, появлялись мощные колеблющиеся завесы рубинового и изумрудного цвета. Мгновение — и они исчезали, растворившись в воздухе» [15]. Свет становится важной характеристикой сполохов, которые наблюдает рассказчик в Океанске, и в повести Л. Платова «Архипелаг исчезающих островов»: «На севере в черной глубине неба вдруг возникало облачко. Оно поднималось, легкое, почти прозрачное. Свет его становился все ярче и ярче. Если ветер был не сильным и дул с севера, сияние продолжалось очень долго. Очарование его заставляло забывать о холоде.

Вот радужные складки тяжелеют, как бы отвердевают, это свод пещеры, с которого свешиваются сталактиты. Вереница сверкающих разноцветных

арок уводит куда-то вдаль, к таинственной, темнейшей черте горизонта... Похоже на ворота в сказочный мир. Но что там? Острова ли? Пустынное ли, покрытое льдами море?» [14]. Рассказчик, вопреки тяжелым условиям зимовки, удивляется чуду Севера, восхищается им. Красота северного сияния помогает человеку забыть об инстинктивном страхе смерти, который вызывает Север, словно сам таинственный мир манит, призывает открыть свои тайны.

Знаковым в контексте повести является сравнение северного сияния, которое видит герой в Океанске, на Большой земле, с разноцветными сводами чудесной ледяной пещеры. Подобные образы мы встретим при авторской характеристике Земли Ветлугина, исчезающего ледяного полярного архипелага, который ищет герой: «Сказка! Сказка!.. Подземные дворцы изо льда!.. А какие сталактиты, сталагмиты!..» [14]. Таким образом, при описании пейзажа заполярного Океанска Л. Платов указывает на возможность двоякой трактовки образа Севера: либо с точки зрения психологически достоверной и объяснимой (рассказчик, увлеченный мечтой о таинственных островах, хочет видеть в удивительной Арктике обещание успеха в поиске земли Ветлугина), либо с позиций символических. Тогда Север предстает как таинственный мир со своими, не подвластными человеку законами.

А. Членов в книге «Как Алешка жил на Севере» и Н. Лебедев в «Архангельских робинзонах», чтобы объяснить читателям-детям, что такое северное сияние, сравнивают его со знакомой ребенку радугой. У А. Членова описанию северного сияния посвящена отдельная глава: «...он заметил, что стало светлее... через все темное звездное небо выгнулся дугой огромный разноцветный серп. Как радуга...» [17]. У Н. Лебедева читаем: «В долгую темную ночь в северных странах на небе вдруг показывается особенный свет. Сначала свет загорается на краю неба, а потом поднимается все выше и выше. Затем на небе показывается большая разноцветная радуга, радуга эта переливается и колышется как будто ветром. Потом радуга разрывается, и по небу начинают ходить большие столбы и полосы. В это время кажется, что все небо горит и небесный пожар перекидывается из одного места в другое. Но минут через двадцать свет на небе гаснет, и наступает снова темная ночь, и еще тоскливее становится на душе» [18, 26]. Создавая образ сполохов, автор использует прием контраста: красота и чудо северного сияния вызывают у его героев-робинзонов не радость и восторг или восхищение миром, но, напротив, оттеняют их тоску и отчаяние. Последние переданы в тексте через мотив цикличности времени, характеризующий художественное время, и повтор слова «опять»: «Скоро опять пришла весна. Опять прилетели птицы, появились на море морские звери. Опять начали все поглядывать на море, охотиться и собирать плавник...

Опять солнце скрылось на целые полгода. Опять начались бури и холода» [18, 27].

Устойчивым при характеристике северного сияния в детской литературе становится его зооморфное сравнение с птицами. В повести С. Радзиевской «Остров мужества» образ сполохов актуализирует антитезу «дом — остров». Ванюшка, глядя на северное сияние на острове, вспоминает то, которое видел дома: «Но такой игры дома не бывало: все небо красным, а то зеленым да золотым возьмется, точно кто разноцветными крыльями машет, и огни все переливаются. Светло делается, чуть как не днем, век бы смотрел. А потом вдруг все разом погаснет, и ночь еще черней кажется, пока глаза к ней опять не привыкнут. Тогда станет видно, как белый снег и от звездного сияния чуть отсвечивает» [9]. Игра северного сияния развлекает мальчика, которому «скушно» без солнца: полярная ночь — тоже форма жизни, поэтому неслучайна и ассоциация с птицей, возникающая в описании. Кроме того, особую полярную природу сполохов подчеркивает и внезапность их появления и исчезновения, выраженная словом «вдруг». Сполохи, как и «вдруг» исчезающее солнце, «вдруг» начинающаяся буря — особое природное проявление Севера.

Волшебных птиц в небе видит и герой повести М. Скороходова «Тайна острова Ваули». Герой, мечтающий о жизни в тундре, не дает описания Архангельска, из которого отправляется в путешествие, первые яркие детали в образе Севера в повести возникают, когда мальчик оказывается в Нарьян-Маре. Там он впервые видит «настоящее» северное сияние (то, что он наблюдал в Архангельске — «ничего особенного, просто две голубых полосы, как облака» [19, 61]). Ребенка поражает диапазон цветных сполохов, возникающих в морозном северном небе: «Я забыл обо всем на свете. Как будто кроме меня никого нет, стою под огненным разноцветным небом и не дышу. Словно миллионы жар-птиц играли в небе. А потом стало еще красивее. Закружились оранжевые лучи еще быстрее, как молнии... Я стоял под огромным огненным шатром. Цвет лучей менялся каждую секунду...Зеленые, синие, красные — они вылетали из одной точки и недалеко от земли, над горизонтом, вдруг пропадали. Ну, не верилось глазам! Я впервые увидел и почувствовал по-настоящему пространство: от края шатра до той точки, в которой сходились все лучи, было, по-моему, не меньше тысячи километров...

Небо вздрогнуло, и шатер стал золотисто-розовым. По его краю широким кольцом вспыхнула малиновая кайма. И все погасло в один миг. Я смотрел в ту точку, откуда вылетали лучи, а там — яркая маленькая звездочка...» [19, 61]. Редкой красоты северное сияние, увиденное героем, — его первая «северная удача» («такие сияния ... бывают редко» [19, 61]) и первое чудо, которое дарит ему Арктика. Она при-

открывает мальчику дверь в заветный таинственный мир Крайнего Севера.

С золотыми павлинами сравнивает сполохи З. Давыдов в романе «Беруны»: «Казалось, золотые павлины распустили там горящие хвосты и горделиво расхаживали по широко разостланным коврам, то заходя за край пурпуровой завесы, то снова появляясь и шествуя дальше по тропе, которая протянулась с востока на запад, но все больше начинала отклоняться к югу» [16]. Интересно, что описание северного сияния в повести, с одной стороны, по цветовой характеристике близко к образу арктических льдов, а с другой — ассоциативно связывается с образом моря-дороги. Так в книге создается единство художественного мира северного острова.

Герои повести К. Бадигина «Путь на Грумант» так же видят чудесную птицу, наблюдая северное сияние: «Вихри зеленого пламени охватили все небо, сошлись в зените, и из них выплыла гигантская огненная птица. Она парила в вышине, распластав широкие крылья, сотканые из тончайших прозрачных лучей» [15]. К. Бадигин оригинально дополняет традиционный образ полярного сияния: «На прощанье расточительная природа показала своим благодарным зрителям еще одно феерическое зрелище: в вышине засияла многоярусная блестящая корона, от которой во все стороны мчались многоцветные стрелы холодного огня» [15]. Образ короны словно подчеркивает величие северного острова и мира Севера в целом, явно обладает оценочной семантикой.

Кроме того, образ северного сияния актуализирует сквозной для сюжета мотив пути: «Теперь через весь небосвод кто-то перекинул сверкающий хрустальный мост, а затем яркий зеленый луч, как меч в руках у великана, рассек темный бархат неба» [15]. Эти строки из повести К. Бадигина «Путь на Грумант» созвучны отрывку из романа З. Давыдова «Беруны»: «Дорога эта перекинулась наконец через весь остров, как серебряная дуга, огромным выгнутым мостом уводила из страны пустой и необитаемой в плодоносные земли...» [16]. Этот эпизод запечатлевает своеобразный виток сюжетной спирали в романе: герои, так стремившиеся по морской дороге попасть к богатому Груману, оказавшись на Малом Беруне, мечтают вернуться домой. Чудесный рай оказывается на родной земле, «где человек собирает в житницы зерно, где шелестит трава и лепечут струи реки» [16].

Схожую образно-мотивную характеристику сполохов находим в повести А. Членова «Как Алешка жил на Севере». В ней так же возникает ассоциативная близость северного сияния и моря и образ моста, который, правда, на наш взгляд, актуализирует семантику единства мира: «...Сначала оно было еще зеленое, переливающееся, как будто в солнечный день по морю волны бегут. А потом края северного сияния, которыми оно как будто держалось за зем-

лю, поднялись вверх, и тогда получилось, что это уже не мост, а огромная лента развернулась по небу» [17].

Изменчивость образных ипостасей сполохов становится символом живой жизни северного мира, который только на первый взгляд может показаться замершим, застывшим или бесцветным. На самом деле именно здесь герои Северного текста русской литературы для детей могут в полной мере почувствовать связь с миром, научиться видеть его красоту.

Чудо северного сияния — это то немногое, что в суровом краю может примирить человека с природой и собственной судьбой. Так, в повести М. Скороходова «Дым над островом» переломным эпизодом, обозначившим изменившееся отношение героя к острову после того, как Сергей узнал его, обжил, приспособился к нему, становится эпизод с северным сиянием, которое наблюдает герой. Это северное чудо начинается «вдруг» и потрясает персонажа до глубины души: «Вдали, в восточной части неба, вдруг вспыхнули огромные желто-зеленые столбы северного сияния, и вскоре почти весь небосвод был охвачен холодным кипящим огнем.

Сергей остановился, потрясенный волшебной игрой красочных лучей в черной, усыпанной звездами бездне... Было что-то радостно-таинственное в этом стремительном гордом полете разноцветных лучей. Абсолютная тишина, сказочный покой снежных просторов, озаренных призрачным светом, словно подчеркивали величие происходящего. Время остановилось...» [20, 103]. Северное сияние рождается в споре холода и огня, темноты и цвета. Оно — чудо северной природы — словно послано герою в утешение. Сергей, принимая сияние как дар Арктики, «чувствует, что его отношение к острову изменилось. Стали дорогими эти холмы, сопка, груды скал, песчовые тропки, заструги на припае, весь этот простор, слитый с небом, со Вселенной, пронизанный искорками звездного света» [20, 104]. Это сакральный момент слияния с миром, доступный избранным, момент принятия «чужого» мира как «своего»: «Не было бы здесь меня, пропадала бы ни за что, ни про что вся эта красота. Звезды, сияние, ночь, тишина — все для меня. Остров был мертвым, а теперь он живет, грустит и радуется вместе со мной» [20, 104]. Теперь герой осознает свою робинзонаду не как роковую случайность и трагедию, а как проявление целесообразности, мудрости жизни, и себя — человека — начинает понимать как органичную часть вселенной, призванную придать смысл всему окружающему. После эпизода с северным сиянием остров понимается уже не как случайное пристанище, но как дом, видимо, неслучайно третья глава повести называется «Большая семья».

Итак, образ ночи в Северном тексте русской литературы для детей чаще всего тесно связан с зимой как календарным временем и актуализирован с помощью более частных образов звезд и север-

ного сияния. Первые связаны с древними астральными мифами через зооморфные сравнения и тему охоты (звезды — пространственные ориентиры для поморов — охотников и путешественников); мотивы единства и красоты мира, нравственного выбора человека. Образ северного сияния создается в Северном тексте русской литературы для детей с помощью более частных образов огня (пламени, пожара), радуги, пещеры, моста, сравнения с птицами и морем; он, с одной стороны, противопоставлен родному дому героев, так как причастен миру Арктики, с другой — связан с мотивом примирения героя с судьбой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галимова Е. Ш. Специфика Северного текста русской литературы как локального сверхтекста / Е. Ш. Галимова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2012. — № 1. — С. 121–129.
2. Лошаков А. Г. Сверхтекст и Северный текст русской литературы. // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера / Сост., отв. ред. Е. Ш. Галимова, А. Г. Лошаков. Т. 1. Архангельск: ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017. — С. 26–57.
3. Матонин В. Н. Образы «движения» и «цели» в Северном тексте русской культуры / –Матонин // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2013. — № 6. — С. 221–223.
4. Петров А. В. Топонимы как выразительное средство в Северном тексте / А. В. Петров // Филологическая регионалистика. — 2010. — № 1–2 (3–4). — С. 48–53.
5. Митрофанова А. А. Интертекст Северного текста / А. А. Митрофанова // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика. сборник научных статей. Сер. «Поморские чтения по семиотике культуры. Архангельск: «Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, 2011. — С. 412–421.
6. Галимова Е. Ш. Северный текст русской литературы: методология исследования / Е. Ш. Галимова // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера / Сост., отв. ред. Е. Ш. Галимова, А. Г. Лошаков. Т. 1. Архангельск: ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017. — С. 9–26.
7. Мифы народов мира / Под ред. С. А. Токарева. В 2 т. Т. 1. А–К. М.: Советская энциклопедия, 1987. — 671 с.
8. Барышев М. И. Маленькие поморы / М. И. Барышев. — М.: Детгиз, 1958. — 88 с.
9. Радзиевская С. Б. Остров мужества / С. Б. Радзиевская. — Казань: Татарское книжное издательство, 1972. — Режим доступа: <https://libcat.ru/knigi/detskaya-literatura/prochaya-detskaya-literatura/12484-sofya-radzievskaya-ostrov-muzhestva.html> (дата обращения: 10.04.2023)
10. Скороходов М. Е. Дымок // Скороходов М. Северные робинзоны. Приключенческие повести. — Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1965. — С. 35–54.
11. Жернаков Н. К. Поморские ветры / Н. К. Жернаков. — Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1964. — С. 7–108.
12. Мошковский А. И. Ученик пастуха / А. И. Мошковский. — Режим доступа: <https://litmir.club/br/?b=111142&p=56> (дата обращения: 31.10.2023).
13. Мошковский А. И. Ночные крики лебедей / А. И. Мошковский. — Режим доступа: <https://litmir.club/br/?b=111142&p=55> (дата обращения: 31.10.2023).
14. Платов Л. Д. Архипелаг исчезающих островов / Л. Д. Платов. — Режим доступа: <https://libking.ru/books/adv-adventure/577490-leonid-platov-arhipelag-ischezayushchih-ostrovov.html> (дата обращения: 31.10.2023).
15. Бадигин К. С. Путь на Грумант. Поморская быль / К. С. Бадигин. — Режим доступа: <https://mezrob29.ru/nazvanie-teksta/> (дата обращения: 31.10.2023).
16. Давыдов З. С. Беруны. Из Гощи гость / З. С. Давыдов. — М.: Детская литература, 1971. — Режим доступа: <https://www.rulit.me/books/beruny-read-414466-1.html> (дата обращения: 31.10.2023).
17. Членов А. Ф. Как Алешка жил на Севере / А. Ф. Членов. — Режим доступа: <https://libking.ru/books/child-/child-prose/131359-anatoliy-chlenov-kak-aleshka-zhil-na-severe.html> (дата обращения: 23.10.2023).
18. Лебедев Н. К. Архангельские робинзоны. Рассказ о приключениях четырех поморов на необитаемом острове в северном полярном море / Н. К. Лебедев. Серия: Библиотека по географии для начальной школы — М.: Гос-уч.-пед-е изд-во, 1935. — 31 с.
19. Скороходов М. Е. Тайна острова Ваули // Скороходов М. Северные робинзоны. Приключенческие повести. — Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1965. — С. 55–76.
20. Скороходов М. Е. Дым над островом // Скороходов М. Северные робинзоны. Приключенческие повести. — Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1965. — С. 77–121.

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова

Давыдова А. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации

E-mail: a.davidova@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov

Davydova A. V., Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Literature, Higher School of Social and Humanities and International Communication

E-mail: a.davidova@narfu.ru